

Содержание

ISSN 2587-8190

Полина Семина. «Песнь Гаральда Смелого» и традиция переводного рыцарского романа	3
Константин Лаппо-Данилевский. И. И. Виноградов – переводчик Сапфо, Анакреонта и эллинистической анакреонтики.	17
Олег Ларионов. «Чувство изящного»: Антропологическая эстетика Н. М. Карамзина	57
Сергей Халтурин. «Дагерротипный список»: Проблема правдоподобности в «Сценах из народного быта» И. Ф. Горбунова.	83
Наталья Куширчук. Синкретизм искусств в прозе Бориса Пастернака. Музыкальная организация повести «Воздушные пути» (1924)	94
Роман Тименчик. Из именного указателя к «Записным книжкам» Ахматовой	107

2021 XVIII (1)

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. Ю. Балакин, А. С. Пахомова

Адрес редакции

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

Летняя школа по русской литературе

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Проф. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letnáâ škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2021

© «Летняя школа по русской литературе», 2021

Contents

Polina Semina. <i>Pesn' Garal'da Smelogo (Ode de Harald Le Vaillant)</i> and the Tradition of the Translated Chivalric Romance.	3
Konstantin Lappo-Danilevskii. Ivan I. Vinogradov as Translator of Sappho, Anacreont and Ancient Greek Anacreontic Poetry.	17
Oleg Larionov. <i>Sense of Beauty:</i> Nikolay Karamzin's Anthropological Aesthetics.	57
Sergey Khalturin. <i>A Daguerreotype Copy:</i> Problem of Verisimilitude in <i>Sitseny iz narodnogo byta (Scenes of Russian Folk) Life</i> by Ivan Gorbunov.	83
Natalia Kushnirchuk. Syncretism of the Arts in Boris Pasternak's Prose. Musical Structure of the Novel <i>Vozdushnye puti (Air Paths)</i> (1924)	94
Roman Timenchik. From the Index to Akhmatova's <i>Notebooks</i>	107

Editorial Board

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Alexey Balakin, Aleksandra Pakhomova

Editorial address

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

РОМАН ТИМЕНЧИК
(Иерусалим)

ИЗ ИМЕННОГО УКАЗАТЕЛЯ К «ЗАПИСНЫМ КНИЖКАМ» АХМАТОВОЙ¹

Статья из авторского цикла «Из Именного указателя к „Записным книжкам“ Ахматовой», входящая в пятый десяток в ряду подобных ей, демонстрирует опыт экстенсивного комментария к ахматовским рабочим записям, организованного вокруг имен персонажей, занесенных на страницы ее блокнотов, — своеобразной вольной ахматовской энциклопедии, где в ономастиконе совмещены разные времена ее долгой жизни.

Ключевые слова: Анна Ахматова, В. Астапов, Н. Гончарова, С. Дягилев, К. Пугачева, Хлоя, комментарий, записные книжки, биографика.

Информация об авторе: Роман Давидович Тименчик, профессор Еврейского университета, Иерусалим, Израиль.

E-mail: suzirom@gmail.com

From the Index to Akhmatova's *Notebooks*

An essay from the author's cycle *From the Index to Akhmatova's "Notebooks"* entering the fifth dozen in a series of similar ones, demonstrates an attempt of extensive commentary on Akhmatova's working notes, organized around the names of characters present on the pages of her notebooks, a kind of free Akhmatova encyclopedia, where different times of her long life are combined in an onomasticon.

Keywords: Anna Akhmatova, Vasilii Astapov, Natalia Goncharova, Sergei Diagilev, Klavdiia Pugacheva, Chloe, commentary, notebooks, biography.

Information about the author: Roman Timenchik, Professor (emeritus) of Hebrew University, Jerusalem, Israel.

¹ Настоящая подборка входит в авторский цикл пространных справок о всех именах реальных лиц (иногда недописанных) и литературных персонажей, встречаемых на страницах рабочих блокнотов поэта. Комментируемый документ аннотируется по изданию: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн; науч. консультирование, вводные заметки к записным книжкам, указ. В. А. Черных. М.; Torino, 1996. Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках в тексте с указанием номера страницы.

E-mail: suzirom@gmail.com

DOI 10.26172/2587-8190-2021-17-4-107-128

Астапов Василий Павлович (1918–2008) — скульптор. Возможно, его имя не дописано в перечислении авторов ахматовских портретов:

Скульпт<ура>

- 1) Данько Н. — бронза (у Рыб<аковой>)
- 2) Данько — фарфор
- 3) Слоним — мрамор
- 4) — (С. 603)

Скульптор работал над портретом с натуры в Комарове в марте 1963 года. Впервые он воспроизведен (в профиль) в печати в 1988 году.¹

Однажды в конце 1962 года при каком-то посещении Ольги Федоровны Берггольц, дружба с которой у нас началась еще в блокадном Ленинграде, она спросила:

— Почему ты не вылепишь бюст Анны Андреевны? Кого-кого, а уж ее-то ты обязан изваять.

Любила Ольга Федоровна это слово: «ваять». <...>

— А для чего меня лепить? — спрашивает она. — Меня многие художники уже изображали. И двадцати шести из них я позировала: и Натану Альтману, и Тырсе, и Петрову-Водкину, и Осмеркину...

— Да, но ведь все они не скульпторы...

— И в скульптуре — тоже. Есть миниатюра Наталии Данько, и, говорят, недурная. <...>

На втором сеансе, когда уже в основном обозначился характер модели, Анна Андреевна мне заметила:

— А для чего Вы лепите холку? И неужели она такая огромная?

— Это, Анна Андреевна, все устраняется по ходу работы, а сейчас мне нужно для того, чтобы не потерять обозначившийся характер, — попробовал я слукавить, втайне надеясь сохранить и эту, примечательную в ее возрасте, деталь.

Но через некоторое время она повторила:

— Так нужна все-таки и необходима эта холка? Я надеюсь, что модель вполне заслуживает того, чтобы художник не на всех деталях заострял внимание.

Тут я уже ничего не мог возразить. <...>

¹ Петров А. Постичь душу мастера // Нева. 1988. № 4. С. 203.

Анна Андреевна, все время наблюдавшая за рождением в глине своего образа, заметила:

— В дни молодости я была совсем не такой, как у вас на портрете. Я была чрезвычайно худа. Худа настолько, что в мою околоключичную ямку вливали полный бокал шампанского. А Осип Манделъштам не уставал повторять мне жестокий комплимент: «Ваша шея создана для гильотины». <...>

— А не пора ли нам, голубчик, заканчивать портрет? — сказала Анна Андреевна на исходе четвертого сеанса. — Портрет мне нравится и очень похож. Чего же еще?.. Пора кончать... Только вот его, убеждена, не возьмут ни на одну выставку.

— Почему же?

— Причину всегда найдут. Разве это вам не знакомо?..¹

Летом о портрете сообщила местная молодежная печать: «Портреты Ольги Берггольц, Михаила Дудина, Анны Ахматовой не переведены в материал: они в гипсе. А ведь известно, что глина — это жизнь, гипс — смерть, а камень или бронза — воскресение скульптуры. Портрет молодой Ахматовой тонирован под благородное дерево; наверно, этот материал отвечает задачам, поставленным скульптором в этом портрете. В той же мастерской другой портрет Ахматовой — он сейчас переводится в мрамор». Далее шла речь об астаповском портрете Берггольц: «Сурово сжатые губы, сдержанность, гордость (но уже иная, чем у Ахматовой: «нам ненависть заплакать не дает...»)».² Автор статьи приводит цитату из поэмы Ольги Берггольц «Февральский дневник» (январь-февраль 1942 года):

Нет, мы не плачем. Слез для сердца мало.

Нам ненависть заплакать не дает.

Нам ненависть залогом жизни стала:

объединяет, греет и ведет.³

¹ Астапов В. Сеансы в Комарове // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л., 1990. С. 398, 401, 407, 408, 410.

² Соловьев В. Художник и его модель // Смена. 1963. 28 июня. Критик Владимир Исаакович Соловьев (р. 1942) эмигрировал в США в 1977 году.

³ Берггольц О. Ф. Избранные произведения / Вступ. ст. А. И. Павловского, сост. М. Ф. Берггольц и А. И. Павловского; подг. текстов и прим. Т. П. Головановой. Л., 1983. С. 226 («Библиотека поэта». Большая серия).

На сопровождающей фотографии Михаила Александровича Ширмана (1929–2015): В. Астахов в своей мастерской (рядом с бюстом Ахматовой).

Когда портрет Анны Ахматовой, переведенный мною в мрамор, был принят на выставку Ленинградских художников и осенью 1964 года экспонировался в залах Русского музея, я позвонил ей по телефону, сообщив об этом, и добавил, что экспозиционной комиссией портрет поставлен в ярко освещенном зале при «слепом», невыгодном для скульптуры, особенно мраморной, освещении и что о нем уже ходят разные мнения и разговоры.

— А вы-то сами довольны этой работой? Довольны? Так не обращайтесь внимания на чьи-то разговоры. Творите, чтобы ваша совесть была чиста. Будьте самим себе строгим судьей.

Это были последние слова, которые я слышал от Анны Андреевны.¹

Гончарова Наталия Сергеевна (1881–1962) — художница, автор ряда выполненных в Париже в 1917 году портретов Гумилева, один из которых оживает в балетном либретто по «Поэме без героя» (С. 174). Ср. письмо Н. Н. Пунина из Токио к Н. С. Гончаровой от 7 июля 1927 года:

1) Известно мне, что в бытность Николая Степановича Гумилева в последний раз в Париже Вы делали с него портрет-триптих. Так вот, если эти сведения правильны, сообщите мне, где он и, если это возможно, пришлите с него фотографический снимок.

2) Не знаете ли Вы случайно имени «Синей звезды», которой посвящен парижский сборник стихов Николая Степановича. <...> Когда будете писать, не пишите фамилии Гумилева, а пишите просто «Н. С.».

Всем этим интересуется Анна Андреевна Ахматова и один молодой биограф Николая Степановича — но т<ак> к<ак> из России о Гумилеве писать затруднительно, то я и воспользовался своим пребыванием в Японии...²

(Молодой биограф — П. Н. Лукницкий). 11 июня 1928 года Пунин получил ответ и обещание фотографии.³

¹ Астахов В. Сеансы в Комарове. С. 410.

² Пунин Н. Н. Мир светел любовью. Дневники. Письма / Сост., предисл. и комм. Л. А. Зыкова. М., 2000. С. 292–293.

³ Лукницкая В. К. Перед тобой земля. Л., 1988. С. 12.

Черно-белая фоторепродукция «Портрета Гумилева» под заголовком «Поэт» была воспроизведена в СССР: Календарь искусств. Харьков. 1923. № 5.

Ср. в письме Гумилева к Ахматовой из Парижа в 1917 году: «Я по-прежнему постоянно с Гончаровой и Ларионовым, люблю их очень».¹

На одном гончаровском портрете Гумилев, трактованный под влиянием древнерусских миниатюр, «как если бы рисунок был для „Апостола“ 16 века»,² на свитке пишет стихотворение «Китайская девушка», и фоном портрета служат образы этого стихотворения:

Голубая беседка
Посредине реки,
Как плетеная клетка,
Где живут мотыльки.

И из этой беседки
Я смотрю на зарю,
Как качаются ветки,
Иногда я смотрю;

Как качаются ветки,
Как скользят челноки,
Огибая беседки
Посредине реки.

У меня же в темнице
Куст фарфоровых роз,
Металлической птицы
Блещет золотом хвост.

И, не веря в приманки,
Я пишу на шелку
Безмятежные танки
Про любовь и тоску.

¹ Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: В 3 т. М., 2019. Т. 2. С. 351; см. подробнее: Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше наследие. 2011. № 100. С. 104–127; 2012. № 101. С. 102–129.

² Parthon A. Goncharova. Suffolk, 2010. P. 230.

Мой жених все влюбленней;
Пусть он лыс и устал,
Он недавно в Кантоне
Все экзамены сдал.¹

Дягилев Сергей Павлович (1872–1929) — театральный и художественный деятель. Подготовительные записи к воспоминаниям о Модильяни:

Р<усский> б<алет> с [19]09 г.
Жар-птица — 20 июня 1910
(L'oiseau de feu)
<Петрушка> у Дягилева пост<ановка> Фокина 13 июня
1911.
Ида танц<евала> «Танец семи покр<ывал>» [19]09 г.
Балет — [«Т]раг<едия> Саломеи[»] (С. 437).

Фраза в автобиографической заметке к сборнику стихов 1961 года: «Две весны (1910 и 1911) я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета» — еще не обозначает присутствия Ахматовой на дягилевских спектаклях.²

Ср. о разговоре с С. П. Дягилевым в 1921 году в дневнике его секретаря Бориса Кохно: «С. П. вспоминает „М<ир> и<скусства>“. Все у него начинали печататься. Вот только Есенина и Ахматову он не знал».³

24 декабря 1921 года К. И. Чуковский приводит слова Ахматовой о ее либретто по «Снежной маске» Блока: «Этот балет я пишу для Артура Сергеевича. Он попросил. Может быть, Дягилев поставит в Париже».⁴

Пугачева Клавдия Васильевна (1906–1996) — актриса Ленинградского театра юного зрителя (1924–1934),

¹ Гумилев Н. Соч.: в 3 т. М., 1991. Т. 1: Стихотворения. Поэмы / Вступ. ст., сост., прим. Н. А. Богомолова. С. 198. См. также: Савельева Г. Т. Иконография Николая Гумилева // Гумилевские чтения: Материалы международной конференции филологов-славистов, 15–17 апр. 1996 г. СПб., 1996. С. 209–211.

² Ср. также: Павлова М. М. Мотивы балета в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Сергей Дягилев и художественная культура XIX–XX веков: Материалы научн. конференции, 17–19 апр. 1987 г. Пермь, 1989. С. 140–149; Красовская В. М. Балет сквозь литературу. СПб., 2005.

³ Сапгир К. Борис Кохно и его тетради // Солнечное сплетение. Иерусалим. 2000. № 14/15. С. 300.

⁴ Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. М., 2006. Т. 11: Дневник. 1901–1921; Конспекты по философии; Корреспонденции из Лондона. С. 371.

затем московских театров — Реалистического, Сатиры, им. Вл. Маяковского, заслуженная артистка РСФСР, приятельница Д. И. Хармса.

Запись осени 1962 года: «К5-44-25 Вл<адимир> Мих<айлович> Чубаров («Дом дружбы») от актрисы Пугачевой» (С. 294). Запись связана со следующим эпизодом:

В последний раз я [Ахматовой] звонила по телефону Д30743 в Москве, когда приехала из Англии и привезла сувениры от председателя Пушкинского комитета. Сувениры были присланы Ахматовой, Наташе Кончаловской и Ольге Берггольц. Вещицы эти я передала в Дом дружбы, куда надо было послать человека или самим прийти за ними. Таков был порядок в то время.

Анна Андреевна подробно расспрашивала меня о поездке и поинтересовалась, знаю ли я, что это за сувенир. Я ответила, что, конечно, знаю, так как передавали через меня. Это пасхальное яйцо, внутри которого положен рубиновый крестик на золотой цепочке. Она поблагодарила меня и сказала, что попросит сходить за этим сегодня же. «Еще раз благодарю», — взлетел где-то ее голос. — «Звоните». «Да, да, я обязательно позвоню», — ответила я и повесила трубку. Почему я ничего не спросила о ней? Как она живет? Как себя чувствует? Не знаю, очевидно, как всегда куда-то торопилась. А это был последний мой разговор с этой удивительной женщиной и большим поэтом.¹

(Указан телефон Н. Н. Глен; Дом Дружбы с народами зарубежных стран находился на Воздвиженке, тогда — улица Калинина, в особняке А. А. Морозова).

Письмо, о котором шла речь, написано Марией Михайловной Кульманн (ур. Зерновой; 1902–1965), основательницей и председателем Пушкинского Клуба в Лондоне (1954–1964) — она признавалась в читательской любви и вспоминала о чтении «Четок» в детстве.²

Клуб был «местом, где встречались писатели, ученые и артисты, как приезжающие из советской России, так и принадлежавшие к эмиграции. Среди лекторов и членов

¹ Пугачева К. В. Прекрасные черты. Воспоминания / Сост. А. В. Шестопап (Пугачев). М., 2009. С. 211.

² Письмо Председателя Пушкинского Общества. Лондон, 6 сентября 1962 г. // ОР РНБ. Ф. 1 073. № 1734. Л. 1.

можно было найти также иностранцев — англичан, американцев, французов и немцев, экспертов по русским вопросам. Несмотря на подозрения, клевету и недоброжелательство со стороны многих русских, клуб стал успешно развивать свою деятельность под руководством Марии Кульманн...».¹ Из персонажей «Записных книжек» в нем выступали К. Г. Паустовский, А. А. Сурков, К. А. Федин, А. Т. Твардовский, Е. А. Евтушенко, Г. В. Адамович, С. К. Марковский, Т. П. Карсавина, И. Берлин. Во время поездки Ахматовой в Англию в 1965 году ей было послано приглашение:

29th May, 1965.

Dear Madame Akhmatova,

On behalf of the Pushkin Club Committee, I am writing to say how pleased we are to hear that you are coming to England. We hope that we shall have the honour and pleasure of welcoming you in the Pushkin Club during your stay in London, perhaps on the evening of Tuesday, 15th June.

Our members would be happy if you would feel able to speak on your poetry and then recite some pieces.

We do hope that you will be able to accept our invitation.

Yours sincerely,

Secretary for the Pushkin Club Committee

(Сообщено мне Натальей Наумовной Рубинштейн). Этим приглашением Ахматова не воспользовалась.

В цитированной мемуарной книге Пугачева рассказала всю историю своих отношений с Ахматовой:

А увидела я ее впервые в Ташкенте во время эвакуации на вечере у Толстого. Как всегда у них было много народу. Анна Андреевна была в черном платье, с подстриженной челкой — как на известном портрете, только основательно располневшая. Сама она почти ничего не говорила, держалась как-то отстраненно от всех.

Алексей Николаевич попросил ее прочитать свои стихи. Она прочла «Щели в саду вырыты», «Первый дальний бойный в Ленинграде». Мне показалось, что она читает свои стихи как-то странно — не вникая в суть. Слова

¹ За рубежом: Белград-Париж-Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых, 1921–1972) / Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris, 1973. С. 408.

А этот был, как некло, сух,
И не хотел смятенный слух
Поверить по тому,
Как расширился он и рос,
Как равнодушно гибель нес
Ребенку моему...

звучали немного безразлично. То ли ей не хотелось читать, то ли она была смущена поначалу. Все присутствующие слушали ее с особым вниманием и обожанием.

Потом она читала свои ранние стихи, читала прекрасно. Особенно запомнилось мне:

И упало каменное слово
На мою еще живую грудь...

Когда она закончила, наступила молчаливая пауза. И вдруг один гость-генерал сказал: «Ну, а теперь что-нибудь повеселее». Все с ужасом посмотрели на него, но он, не поняв, продолжал говорить какую-то ерунду вроде того, что «коли уж мы собрались вместе в наше тяжелое время, то надо повеселиться, а то неизвестно, как сложится в дальнейшем у каждого судьба. А пока, мол, еще живы и т. д.». Анна Андреевна царственно удалилась в другую комнату (за ней пошла Полина Дмитриевна — мать Людмилы Ильиничны Толстой) и вышла только тогда, когда все стали просить хозяйку спеть.

В глубине комнаты недалеко от рояля стоял диван красного дерева, на котором, облокотясь на его ручки, в уютных позах расположились с одной стороны поэт Константин Липскеров, а с другой стороны — мой муж. Анна Андреевна скромно села между ними. Во время пения, когда Людмила исполняла любимый романс Толстого «Я помню вальса звук прелестный», на словах «где этот вальс старинный, томный» раздался храп. Все опять с ужасом посмотрели в сторону дивана. Оставаясь в изысканных позах, кто-то из двоих на мгновение заснул — или мой Виктор, или Липскеров. Когда мы оглянулись, они сидели уже с раскрытыми глазами. Анна Андреевна даже не повернула головы в сторону храпящего, а смотрела на поющую Людмилу. Раскрасневшаяся от волнения молодая супруга Алексея Николаевича продолжала с упоением петь, не заметив, что произошло.

Алексей Николаевич, прижав палец к губам, подмигнул всем гостям, и повернув вновь голову к поющей Людмиле, наслаждался ее пением. Мы потом долго пытали моего мужа и Липскерова, кто же из них оконфузился, но они и сами не могли ответить — оба в мечтательности закрыли глаза, и кто-то провалился в сон. Толстой

уверял, что оба сразу. <...> Много позже, когда мы встречались с Анной Андреевной в Москве или Ленинграде, мы вспоминали этот вечер и всегда приходили в хорошее расположение духа.

<...> однажды зашла ко мне Анна Андреевна с моей приятельницей Валерией Сергеевной Познанской. Валерия Сергеевна была ученым-химиком, умной, образованной женщиной, любившей театр, литературу, влюбленной в поэзию и хорошо разбиравшейся в ней. Анна Андреевна нежно относилась к Валерии и считалась с ее мнением. В тот день была страшная жара, они направлялись в сторону Тархан-Арык и шли мимо меня. Валерия предложила зайти ко мне, передохнуть в тенистой комнате и выпить холодного квасу, который делала моя сестра.

Узнав, что я из Ленинграда и родилась в Павловске, Анна Андреевна как будто проснулась, а до тех пор она казалась мне непроницаемой. «Как хорошо, что мы зашли, я взглянула в свое детство, — сказала она. — И как хорошо вы называете Клавдию Васильевну (обратилась она к Валерии) — Капелька». «Ка-пель-ка» повторила она протяжно. Мы вспоминали Павловский парк, Царское Село, Тярлево. Оказалось, что у нас с ней одна любимая считалка:

Дождик, дождик перестань,
Я поеду на Иордань
Богу молиться,
Христу поклониться.
Я у Бога сирота,
Запираю ворота
Ключиком, замочком,
Шелковым платочком.

Вспомнили иллюминацию в Павловске по праздникам. Особенно яркой она была на 300-летие дома Романовых.<...>

Потом перешли на ташкентские впечатления. Я рассказала, как несколько дней в нашей комнате жил [Ю. А.] Завадский. Мы его «подобрали» в нашем дворе, где он метался, потеряв адрес людей, к которым он ехал. Завадский не помещался в нашей крохотной комнате, дверь приходилось держать открытой и соседи спотыкались о его ноги. О всех этих курьезах я рассказывала с увлечением и показывала их в лицах. Валерия и Анна Андреевна от души смеялись.

Анне Андреевне очень понравилось мое платье. Белое полотняное платье, окаймленное вышитыми цветочками, было сделано из простыни. Платье это я называла «рома-

печкой». Я рассказала Анне Андреевне, что спила его из московской простыни одна моя ташкентская знакомая — портниха с большим вкусом. «Она не только с хорошим вкусом, — сказала Анна Андреевна. — Она художник. Она угадала вашу „солнечность“». Валерия меня потом долго дразнила: «Ну, солнечная, освети нашу мрачную жизнь!». Теперь мне так приятно вспоминать слова Анны Андреевны, ее первое впечатление, а тогда я даже не оценила ее определение, а восприняла просто как комплимент и благодарность за хороший квас. Вежливый человек. Вежливо обошелся. Вот и все. Я многому тогда не придавала значения.

Поговорили о новостях с фронта и на том разошлись. Мне показалось, что Анна Андреевна чем-то больна. Она была очень бледная и часто вытирала вспотевшее лицо. Вскоре я узнала от Софьи Яковлевны Бородиной, нашего театрального юриста, что Ахматова разболелась. Потом ко мне зашла Валерия, и мы решили пойти вместе навестить Анну Андреевну. Мы зашли на рынок (а в Ташкенте рынок был особенный), купили фруктов и отправились к Ахматовой. Застали мы ее в обществе каких-то поклонниц, как мне показалось, кликуш. Я даже растерялась и быстро ушла домой. Я толком ничего не увидела и ничего не запомнила, кроме юродства этих женщин. Кто они? Не знаю, да и Валерия тоже не знала их. Я удивилась только, как выдерживает это сама Ахматова. А потом я узнала от Бородиной, что эти женщины очень помогли Анне Андреевне во время ее болезни. Они были ее сиделками, ее врачами и кормилицами.

Анна Андреевна поправилась, и некоторое время спустя уже она рассказывала нам с Валерией городские новости, которые во многом вращались вокруг знаменитого базара. Тогда в Ташкент свезли пленных поляков. Они были грязными, оборванными, изможденными. Вместе с другими нищими они бродили, а иногда просто лежали вокруг базара. Поляки, как правило, ничего не просили, но вид у них был такой несчастный, что люди подавали им — кто денег, кто кусок лепешки. И вот из этих поляков начали формировать какие-то части. Их подкормили, обмундировали. И Анну Андреевну поразило, что из двух людей, которые вчера лежали рядом, умирая от голода, один — в солдатской форме, сегодня уже тянется и отдаст честь другому — в офицерской форме. А тот, который в офицерской форме, свысока смотрит на тех, кто вчера подавал ему кусок лепешки.

Хорошо помню вечер — встречу местной интеллигенции с поэтами, прибывшими из Москвы. На этом вечере

выступала и Анна Андреевна. Она читала стихи, написанные в блокаду, и стихи с неоконченной рифмой. Сидящий в зале рядом со мной узбек повернулся ко мне и спросил про Ахматову: «Слюшай, говорят, она большой поэт, а чего она так читает: тра-та-та, та-та-та? А что можно понять? А?» Я попыталась ему что-то объяснить, но он, испытующе посмотрев на меня, сказал: «Я вижу, ты сам ничего не понимаешь. Да?» При встрече с Анной Андреевной я рассказала ей об этом — это ее развеселило.

А встретились мы на этот раз при любопытных обстоятельствах. Я только что вышла из Клуба офицеров и встретила Корнея Ивановича Чуковского. Я очень обрадовалась нашей встрече. Мы присели на ступеньках и долго разговаривали. Корней Иванович стал читать стихи. Я тоже вспомнила, как читала монолог, смонтированный из его книжки. Непроизвольно я встала на ступеньки и читала для Чуковского: «А чья это лужа? Ничейная, значит никакойная, значит увсехняя и т. д.». Корней Иванович слушал, смеялся. Мы даже не заметили, что вокруг собрались люди, главным образом ребята, и слушали нас с большим интересом. А на другой стороне в тени стояла Ахматова.

Итак, мы устроили концерт не только для себя, но и для окружающих. Корней Иванович представил меня толпе, и мы вновь стали по очереди читать, уже для зрителей. Наконец, Чуковский увидел Анну Андреевну, и на этом прервалось неожиданное наше представление. Мы пошли втроем, вот тогда-то я и рассказала про узбека и стихи с неоконченной рифмой.

В этот раз мы долго ходили и вспоминали Ленинград. Чуковский рассказывал Ахматовой про ТЮЗ, где он часто бывал, про наши спектакли, а потом, обращаясь ко мне, сказал: «А все-таки при всей вашей биомеханике, вы бы не смогли так изгибаться колесом, как Анна Андреевна». Я с удивлением посмотрела на Ахматову. Она была немного смущена. «Да-да, — продолжал Чуковский, повернувшись к Анне Андреевне, — я вас помню по кафе поэтов и помню ваши пируэты». Тогда я (тоже не совсем корректно) сказала: «Когда я пришла в ТЮЗ, нам про ваши стихи и про Гумилева много говорила Черубина, она была у нас зав. литчастью». Чуковский сделал мне страшные глаза, но я не поняла, в чем дело, и только позже узнала, что у Ахматовой и Черубины (Васильевой) были сложные отношения.

Анна Андреевна спросила: «А в каком году она вам про нас рассказывала?» — «В 1922-м.» — «Неужели в 22-м?» Я подтвердила дату. Она замолчала и покачала головой...

Начались отъезды из Ташкента. Даже при наличии разрешения достать билеты было очень трудно. Однажды я взялась помочь знакомой Анны Андреевны. Я отправилась с ее документами к одному из местных начальников, бывавшему на моих спектаклях, встала в дверях его кабинета и громко продекламировала в стиле Маяковского:

Красиво,
Красиво,
Красиво,
Красиво шагает нарком.
Спасибо,
Спасибо,
Спасибо,
Спасибо тебе, Совнарком!

Он стал дико хохотать, взял все бумаги и поставил свою подпись. Когда я рассказала эту историю Анне Андреевне, она спросила: «А стихи чьи?» — «Мои». Она всплеснула руками и говорит: «О Боже!»

Когда Валерия звала меня к Ахматовой, она говорила: «Пойдемте, Капелька, снимем груз с плеч Ахматовой, развлечем и отвлечем». Поднять настроение Анны Андреевны лучше всего удавалось, переведа разговор на воспоминания о Павловске, на какие-нибудь детские забавы — «гигантские шаги» в парке или катания на вейках. Ахматова с удовольствием читала стихи о Павловске. Я много раз тогда слышала, как читает свои стихи Анна Андреевна, но, исполняя ее стихи на эстраде, я ни разу не повторила ее интонации. Мне казалось, это было бы с моей стороны кощунством.

Один раз Анна Андреевна зашла ко мне сама. Она узнала от кого-то, что мой муж уезжает в Москву, и хотела что-то с ним передать. Но она опоздала, за ним уже пришла заводская машина. Выглядела Ахматова плохо, была какая-то отечная и очень грустная. Я старалась отвлечь ее от тяжелых мыслей, рассказывала всякие смешные истории. Она почти не реагировала. Заговорили о Ленинграде, о ленинградских писателях, о поэтах. Я ей прочла стихотворение Даниила Хармса «Подруга» — странное и грустное. Облик музы в этом стихотворении ужасен. Анна Андреевна прослушала и попросила прочесть еще раз. Я прочла, но кроме грустного «Да!» она не сказала ничего об этом стихотворении. Спросила, знаю ли я стихи Хармса, и попросила когда-нибудь почитать ей. В ту встречу Ахматова говорила, что ей уже невольно сидеть в Ташкенте и она мечтает поскорее выбраться отсюда.

Но прежде чем разехаться, нам с ней пришлось поменяться ролями. Теперь уже она утешала меня и моих

близких. В нашей семье произошло несчастье. Ко мне из блокады приехала сестра Ефросиния (дома ее все звали Гулей) с маленьким сыном Боречкой. Боречка в свои пять лет был очень талантлив, прекрасно рисовал и по-детски весело рассказывал страшные истории блокадной зимы. Одна из них была про кошку, которую Гуля поймала из последних сил и которую Боречка выпустил в форточку.

И вот в Ташкенте, когда казалось, что все ужасы позади, у мальчика вырос ячмень на глазу. Его повели к главному. Врач неосторожно взялся за веко, нарыв прорвался, и началось заражение. Мы делали все, что могли. В это время в Ташкенте был великий хирург-глазник Филатов. Вокруг его дома больные неделями жили в палатках. Филатов еще с царских времен знал и уважал дядю мужа — известного хирурга-легочника. Филатов сам лечил Боречку. Достали пенициллин. Но мальчик был очень ослаблен блокадой и погиб.

Сестра была на грани помешательства. Когда мне надо было уходить на репетиции и спектакли, друзья приходили и дежурили с ней. Приходили и Валерия с Анной Андреевной, молча сидели с Гулей, пытались ее накормить. Я на всю жизнь им за это благодарна.

После войны мы встречались с Анной Андреевной то в Москве, то в Ленинграде. Были светлые первые годы после Победы, были тяжелые годы, когда имя Ахматовой было под запретом, а в нашей семье были арестованы мой брат Андрей и брат мужа Николай. Анна Андреевна знала об этом, но мы продолжали видеться. <...> Прошло еще много времени. Я как-то приехала к писателю Виктору Ардову уславливаться о выступлении на его вечере. Во время разговора я увидела, что из ванной (дверь из комнаты в коридор была открыта) вышла очень полная, вся седая, среднего роста женщина. Зная близких Виктора Ефимовича, я спросила: «Кто это у тебя находится?» — «Ты с ума сошла, это Ахматова». Я была так потрясена ее изменившимся обликом, что потеряла дар речи и не нашла в себе мужества постучаться к ней. Условившись с Ардовым о выступлении, быстро распрощалась и ушла. Я долго еще не могла пережить такую трансформацию внешности Анны Андреевны.

Потом от Людмилы Толстой я узнала, что Ахматова уезжает за границу. Она попросила Людмилу одолжить ей на время поездки меховую пелерину. Толстая сказала, что Анна Андреевна хорошо выглядит, и я очень этому обрадовалась. И в тот же день я встретила Ахматову на улице. Встреча была мимолетной. Она и я очень торопились. Выглядела она действительно хорошо, но была не похожа

на ту, которую я знала раньше. Мы условились обязательно повидаться, но больше я ее не видела. В последний раз я услышала ее голос по телефону.¹

Упомянутый муж — Виктор Михайлович Шестопап (1907–1981), инженер-литейщик, профессор, доктор технических наук; сестра — Ефросинья Васильевна Медведева; упомянутая Валерия Сергеевна (Шулимовна) Познанская (Шлейман) (1901–?) — инженер, сестра поэта, критика, переводчика Павла Сергеевича (Соломоновича) Шлеймана (Карабана) (1893–1968), в 1937–1942 годах находившегося в заключении по делу антисоветской группы переводчиков с украинского (во главе с И. С. Поступальским и В. И. Нарбутом), между прочим, автора рецензии на сборник «Костер» (Новая Россия (Харьков). 1918. 26 декабря).²

В 2007 году на аукционе Sotheby's была выставлена открытка 1943 года:

27 сентября

Дорогая Валерия Сергеевна, если Вы все такая же милая и добрая — Вы простите мое неприличное молчание. Я все собиралась к Вам нагрянуть, но жара не выпустила меня из Ташкента. Теперь осень чудная, тихая, прозрачная, а я лежу в постели, потому что простужена и стерла ногу. Благодарю Вас за хлопоты и заботы обо мне, часто и нежно вспоминаю о Вас.

Целую

Анна Ахматова

Сегодня Фаина Георгиевна уезжает в Москву.

См. воспоминания о Валерии Познанской Евгения Рейна:

Двоюродная или троюродная моя тетка Валерия Познанская познакомилась с Ахматовой во время войны в Ташкенте. По ее словам, это было нечто большее, чем просто знакомство. Во всяком случае, после ждановского постановления она не отреклась от Ахматовой, не заморозила до лучших времен свои с ней отношения, а сознательно оживила их. Была она химиком, специалистом по коксующимся углям, даже лауреатом Сталинской премии. Не очень ясно я припоминаю какой-то рассказ моей матери о том, что Познанская хлопотала зимой 1946–1947 г.

¹ Пугачева К. В. Прекрасные черты: Воспоминания. С. 212–220.

² Тименчик Р. Д. История культа Гумилева. М., 2018. С. 505–506.

о топливе для Ахматовой. Топливо это якобы доставляли из ленинградского филиала того института, где работала Познанская. Большинство ленинградских квартир отапливалось тогда печами, и дровяная проблема была даже более насущной, чем продовольственная. Но в этой истории я не вполне уверен, и она может оказаться семейной легендой.

Весной 1947 г. Познанская приехала в Ленинград и остановилась в гостинице «Астория». Однажды часа в четыре дня она заказала в номер чай с пирожными и закуску, такие вещи практиковались в «Астории» почти до последнего времени. Это был как бы скромный прием в честь Ахматовой. На него Познанская пригласила мою мать, а мама, предварительно договорившись, взяла с собой меня.¹

См. также рассказ со слов К. В. Пугачевой о 1940-х годах, когда она одновременно с Ф. Раневской находилась на гастролях в Ленинграде:

Хозяйство они вели сообща и деньги объединили. Фаина Георгиевна решила в один из свободных дней пригласить на обед Анну Андреевну Ахматову и предложила Пугачевой присоединиться к ним. Но Клавдия Васильевна в тот вечер сама была приглашена в гости, однако пообещала прийти к чаю, захватив пирожные из знаменитого кафе «Норд». И вот, вернувшись, застала следующую картину. В креслах сидели тихие и явно сконфуженные обе великие женщины, а наглый официант, грозя им пальцем, приговаривал: «Вот что, дамочки, запомните: когда нет денег — не гуляют!». Устремив на Пугачеву грустные глаза, Раневская прошептала почему-то по-французски «д'аржан, д'аржан». Что же выяснилось? Раневская спрятала деньги и, по обыкновению, забыла куда. У Ахматовой денег не было. Пугачева нашла деньги, расплатилась и столь щедро наградила официанта чаевыми, что тот стал кланяться, отступая задом, пятился, пятился, и вместо входной двери вломился в дверь туалета и рухнул с подносом. Тут уж Раневская взяла реванш и произнесла наставительно: «Голубчик, берегите опорно-двигательную систему!»²

Хлоя — имя «греческого происхождения, обозначает молодую девушку, а также свежий, зеленый росток, зеленую

¹ Рейн Е. Б. Мне скучно без Довлатова: Новые сцены из жизни московской богемы. Поэмы и рассказы. СПб., 1997. С. 59–60.

² Краснянская М. Дар дружбы // Пугачева К. В. Прекрасные черты. С. 17.

траву. Афиняне называли Хлоей Цереру, покровительницу посевов; в Библии она появляется в Первом послании Павла к Коринфянам. Этим именем назвал также героиню своего пасторального романа «Дафнис и Хлоя» живущий около II века Лонгос». ¹

Символизм пасторали Лонга Д. С. Мережковский ставил в параллель с современным символизмом, «первым смутным лепетом ожидаемого *Rinascimento*», что вызвало отторжение Иннокентия Анненского, с сомнением отнесшегося к пафосу восторженной оценки романа у Гёте и отмечавшего «манерность и слащавость в изображении лиц (особенно это заметно в Хлое: девушка, созревшая для брака и выросшая среди природы, первый раз в жизни слышит эхо: на это обратил внимание [Эрвин] Роде». ²

В плане автобиографической книги: «Дафнис и Хлоя (Царскосельская идиллия)» (с. 206); «Дафнис и Хлоя или царскосельская идиллия и парижская трагедия (Ранний Гумилев) начала XX века» (с. 230); «Дафнис и Хлоя. Стихи Гумилева» («Путь конквистадоров»)» (с. 269). Цитируется финал стихотворения Гумилева «Современность»:

Я печален от книги, томлюсь от луны,
 Может быть, мне совсем и не надо героя...
 Вот идут по аллее, так странно нежны,
 Гимназист с гимназисткой, как Дафнис и Хлоя ³

(Напечатано 14 августа 1911 года в «Биржевых ведомостях» и вошло в сборник «Чужое небо»; написано предположительно летом того же года в Слепневе, после чтения хранившихся там сочинений О. И. Сенковского ⁴).

Мотивы романа Лонга не раз возникали в поэзии русского модернизма — «Песни Дафниса» (1895) в «Прозрачности»

¹ Варда А. Литературная жизнь России XVIII—начала XIX века. Łódź, 2017. С. 190–191, С. 325–329.

² Анненский И. Дафнис и Хлоя. Древнегреческий роман Лонгуса. Перевод Д. С. Мережковского. СПб., 1896 // Филологическое обозрение. Критика и библиография. 1896. Т. 9. Кн. 1. С. 37–38.

³ Гумилев Н. Соч.: В 3 т. Т. 1. С. 128–129.

⁴ Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008. С. 324–330.

Вяч. Иванова;¹ «Песня Дафниса»² и «Дафнис и Хлоя»³ у С. Соловьева; у В. Ходасевича⁴ и др. Неожиданные вариации принадлежали А. А. Попову (Виру; 1890–1957)⁵ в не преданном тиснению стихотворении «Гибель»:

Это было суждено.

К. Бальмонт

И рухнул мир с нагорной высоты
И канул в море хмурое и злое.
И бледный Дафнис ищет: где же Хлоя,
О где же ты?..

Смеялись волны моря озлобленно,
Песок шуршал мучительной тоской,
И он сорвал венок своей влюбленной
Безжалостной рукой, —

И бросил в море... Волны безучастья
В себе сокрыли горя острый звук.
В нем было слишком много счастья
И воскрешенных и забытых мук.

И в горестном молении: Хлоя, —
Где были грезы боли вплетены,
Уже таились — яркий отблеск зноя
И трепет утомленной тишины...⁶

(Эпиграф из стихотворения «Радение»⁷.)

Есть вероятность, что А. А. Вир мог произнести его во время обсуждения неизданных стихов в Обществе ревнителей художественного слова под председательством Ф. Ф. Зелинского

¹ *Иванов Вяч.* Прозрачность: Вторая книга лирики. М., 1904.

² *Соловьев С.* Апрель: Вторая книга стихов, 1906–1909. М., 1910. С. 36.

³ *Соловьев С.* Цветник царевны: Третья книга стихов (1909–1912). М., 1913. С. 43–46.

⁴ См. об этом: *Жолковский А. К.* Как организовано «Бегство» Ходасевича // Звезда. 2007. № 7. С. 179–194.

⁵ См. о нем: *Пяст Вл.* Встречи / Сост., вступ. ст., научн. подг. текста и комм. Р. Тименчика. М., 1997. С. 284; см. подробную справку А. Л. Соболева: *Соболев А. Л., Тименчик Р. Д.* Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972. М., 2019. С. 862–866.

⁶ *Попов А. А.* Стихи 1910–1911 // НИ ОР РГБ. Ф. 645. К. 45. № 11. Л. 36 об.

⁷ *Бальмонт К. Д.* Зеленый вертоград: Слова поцелуйные. СПб., 1909. С. 134.

12 ноября 1911 года, в котором он участвовал наряду с Ахматовой,¹ и мы предполагаем, что к Ахматовой относится его стихотворение, где посвящение обозначено инициалами «А. А.»:

В твоих словах призывно-длительных
И на твоём лице en face
Мерцанье было слов томительных,
Как в чёрном бархате алмаз,
И озарение пленительных
Лучистых глаз.

В небрежном взгляде утомленности
Струился тихий пламень нег,
Далекой нежностью влюбленности,
Как беспорочно-чистый снег,
И слов в капризной измененности
Свободный бег.

О пусть мгновение сметается
В неумолимости времен,
И пусть призыв мой разбивается, —
Незримой близостью пленен,
Я знаю, что всегда сбывается
Последний сон.²

Стихи от имени Дафниса встречались и в первом сборнике Георгия Иванова «Отплыть на о. Цитеру: Поэзы. Кн. 1» (1912),³ подаренном Ахматовой («Анне Андреевне Ахматовой. (Ах, что же ещё могу я написать?) Автор. Спб. Январь 1912»⁴), и это увлечение debutирующего поэта было обыграно в надписи ему от Гумилева, вероятно, на сборнике «Чужое небо» (текст был опубликован адресатом,⁵ местонахождение книги неизвестно, поэтому экспромт не был включен М. Д. Эльзоном в издание «Библиотеки поэта»):

¹ Чудовский В. Общество Ревнителей Художественного Слова // Русская художественная летопись. 1911. № 10. С. 321.

² Попов А. А. Стихи 1910–1911. Л. 74 об.

³ Иванов Г. Стихотворения / Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. А. Ю. Арьева. Издание 2-е, испр. и доп. СПб.; М., 2010. С. 498, 501, 510.

⁴ Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989. С. 103.

⁵ Гумилев Н. Стихотворения: Посмертный сборник / Предисл. Г. Иванова. Изд. 2-е, доп. Пг., 1923. С. 35.

Милый мальчик, томный, томный,
 Помни — Хлои больше нет.
 Хлоя сделалась нескромной,
 Ею славится балет.

Пляшет нимфой, пляшет Айшей
 И грассирует «ça у est».
 Будь смелей и подражай же
 Кавалеру де Грие.

Пей вино, протись с тоскою,
 И заманчиво-легко
 Ты добудешь — прежде Хлою,
 А теперь Манон Леско.

Сдвинутая трактовка героя романа аббата Прево отмечена Н. А. Богомоловым,¹ первая же строфа, вероятно, связана с известием о постановке у С. Дягилева балета Мориса Равеля «Дафнис и Хлоя».²

Название «Дафнис и Хлоя» было предложено Ахматовой для воспоминаний В. С. Срезневской об Ахматовой и Гумилеве.

В последний раз Хлоя вошла в поэтическую систему Ахматовой в последнем из ее «гимнов Афродите» — метонимически, в «теневого цитате» (*sublimi flagello tange Chloen semel arrogantem*) под прикрытием отчасти лукавого эпиграфа из 26-й оды третьей книги Горация: «*o quae beatam diva tenes Sruprum et Memphin*». См. перевод Иннокентия Анненского:

Но ты, о радость Кипра, ты,
 В бесснежном славима Мемфисе,
 Хоть раз стрекалом с высоты
 До Хлои дерзостной коснися.

См. записи от 17 и 21 октября 1963 года: «Лида [Чуковская] <...> решила, что „красотка“ кто-то <...> решила дать латинский эпиграф (м. б. из Горация), кот<орый> разъяснит, кто такая „Красотка“» (С. 401).

¹ Гумилев Н. Соч.: в 3 т. Т. 1. С. 572.

² Сергей Дягилев и русское искусство: Статьи, открытые письма, интервью, переписка, современники о Дягилеве: В 2 т. / Сост., вступ. ст. и комм. И. С. Зильберштейна, В. А. Самкова. М., 1982. Т. 1. С. 452.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Варда А. Литературная жизнь России XVIII—начала XIX века. Łódź, 2017.
2. Жолковский А. К. Как организовано «Бегство» Ходасевича // Звезда. 2007. № 7. С. 179–194.
3. Красовская В. М. Балет сквозь литературу. СПб., 2005.
4. Павлова М. М. Мотивы балета в «Поэме без героя» Анны Ахматовой // Сергей Дягилев и художественная культура XIX–XX веков: Материалы научн. конференции, 17–19 апр. 1987 г. Пермь, 1989. С. 140–149.
5. Савельева Г. Т. Иконография Николая Гумилева // Гумилевские чтения: Материалы междунаrodn. конференции филологов-славистов, 15–17 апр. 1996 г. СПб., 1996. С. 200–219.
6. Соболев А. Л., Тименчик Р. Д. Венеция в русской поэзии: Опыт антологии. 1888–1972. М., 2019.
7. Степанов Е. Е. Летопись жизни Николая Гумилева на фоне его полного эпистолярного наследия 1886–1921: В 3 т. М., 2019. Т. 2.
8. Степанов Е., Устинов А. Николай Гумилев. Встречи в Париже в 1917–1918 годах (По материалам архивов Михаила Ларионова и Глеба Струве) // Наше наследие. 2011. № 100. С. 104–127; 2012. № 101. С. 102–129.
9. Тименчик Р. Д. Что вдруг: Статьи о русской литературе прошлого века. Иерусалим; М., 2008.
10. Тименчик Р. Д. История культа Гумилева. М., 2018.
11. Parthon A. Goncharova. Suffolk, 2010.

REFERENCES

1. *Krasovskaia V. M. Ballet skvoz' literaturu. SPb., 2005. (In Russ.)*
2. *Parthon A. Goncharova. Suffolk, 2010.*
3. *Pavlova M. M. Motivy baleta v "Poeme bez geroia" Anny Akhmatovoi // Sergei Diagilev i khudozhestvennaia kul'tura XIX–XX vekov: Materialy nauchn. konferentsii, 17–19 apr. 1987 g. Perm', 1989. P. 140–149. (In Russ.)*
4. *Savel'eva G. T. Ikonografiia Nikolaia Gumileva // Gumilevskie chteniia: Materialy mezhdunarodn. konferentsii filologov-slavistov, 15–17 apr. 1996 g. SPb., 1996. P. 200–219. (In Russ.)*
5. *Sobolev A. L., Timenchik R. D. Venetsiia v russkoi poezii: Opyt antologii. 1888–1972. M., 2019. (In Russ.)*
6. *Stepanov E. E. Letopis' zhizni Nikolaia Gumileva na fone ego polnogo epistol'iarnogo nasledii 1886–1921: V 3 t. M., 2019. T. 2. (In Russ.)*

7. *Stepanov E., Ustinov A.* Nikolai Gumilev. Vstrechi v Parizhe v 1917–1918 godakh (Po materialam arkhivov Mikhaila Larionova i Gleba Struve) // *Nashe nasledie*. 2011. № 100. P. 104–127; 2012. № 101. P. 102–129. (In Russ.)
8. *Timenchik R. D.* Chto vdrug: Stat'i o russkoi literature proshlogo veka. Ierusalim; M., 2008. (In Russ.)
9. *Timenchik R. D.* Istoriiia kul'ta Gumileva. M., 2018. (In Russ.)
10. *Varda A.* Literaturnaia zhizn' Rossii XVIII—nachala XIX veka. Łódź, 2017. (In Russ.)
11. *Zholkovskii A. K.* Kak organizovano “Begstvo” Khodasevicha // *Zvezda*. 2007. № 7. P. 179–194. (In Russ.)